

Рано утром на следующий день Фэн Цзю, вяло потирая виски, выбралась из постели во дворец Цин Юнь.

Все еще не совсем проснувшись, она посмотрела на длинную пурпурную мантию в своей руке и спросила маленького колобка: «Это ещё что такое?»

Малыш А Ли завтракал с родителями во дворе с цветущей глицинией. Услышав слова Фэн Цзю, он долго задумчиво грыз ложку, а когда до него, наконец, дошло, сжал кулаки в знак уважения и ответил: «Это мантия брата Дун Хуа».

Рука Е Хуа, держащая палочки для еды, застыла. «Когда я был маленьким, я называл Дун Хуа дядей» - сказал он, приподняв бровь в недоумении.

Маленький колобок было открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Опустив голову, он принялся считать разницу в поколениях.

Фэн Цзю застыла на месте. Она посмотрела на мантию в своей руке, затем подошла к двери и проверила вывеску, чтобы удостовериться, дворец Цин Юнь это или нет. Ее глаза вернулись к маленькому колобку, когда она, заикаясь, переспросила: «Как... как это случилось?»

Бай Цянь как раз добавила каши в тарелку А Ли. «На самом деле ничего страшного не произошло, - заверила она Фэн Цзю. - Прошлой ночью ты напилась, так что Дун Хуа по доброте душевной вернул тебя во дворец Цин Юнь. Но ты совсем ничего не соображала и вцепилась в его мантию, не желая отпускать. Так как тебя нельзя было разбудить, ему ничего не оставалось, кроме как оставить свою мантию здесь».

Фэн Цзю немного подумала над этими словами и облегченно вымолвила: «Так вот в чем дело. Поскольку в этом не было ничего двусмысленного, ни моя, ни его репутация не пострадают».

Бай Цянь придержала язык и, поколебавшись, сказала Фэн Цзю: «Разве что... ты же знаешь, что Дун Хуа не мог остаться на ночь во дворце Цин Юнь. Ему пришлось оставить свою мантию, а в жилище А Ли не нашлось для него ничего подходящего. Колобок пришел ко мне, чтобы взять какую-нибудь одежду Е Хуа».

«Звучит достаточно разумно» - кивнула Фэн Цзю и шагнула вперед, желая присоединиться к ним за завтраком.

Бай Цянь кашлянула и продолжила: «Я уже спала, и меня трудно было разбудить. А Ли пришлось кричать со двора. Ты же знаешь, какими шумными могут быть дети. Боюсь, весь дворец Си У слышал его...»

Фэн Цзю остановилась и повернулась, чтобы посмотреть на А Ли.

- Что ты крикнул?

- Только правду и ничего более, - ответил мальчонка, поджав губы.

Фэн Цзю глубоко вздохнула.

Восстановив в памяти вчерашнюю сцену, колобок продолжил: «Брат Дун Хуа принес сестрицу Фэн Цзю во дворец Цин Юнь. Сестрица Фэн Цзю схватилась за него и не отпускает. Он уже устал держать ее. Ему пришлось раздеться, поэтому я пришел, чтобы одолжить вещи у папы. Мама, папа здесь с тобой?» Затем он развел руками: «Именно это я и сказал».

Фэн Цзю упала прямо через порог.

Прошло более двух столетий с тех пор, как Фэн Цзю приняла власть от своей тети Бай Цянь. Ее отец Бай И очень беспокоился о ее замужестве. Он тревожился, что юной Фэн Цзю будет трудно править королевством. Поэтому он был непреклонен в поиске для нее способного жениха, который мог бы помочь ей.

Бай И никогда не любил Девять Небес. Но поскольку его дочь уже отказала всем возможным кандидатам из Цинцю, в качестве последнего средства, он был вынужден поменять район поисков и искать образцового зятя с Небес. Когда Бай Цянь вышла замуж, он приказал Фэн Цзю сопровождать ее на Небеса в течение целого месяца. Со стороны казалось, что семья невесты присматривает за своей дочерью. С другой стороны, он попросил Бай Цянь позаботиться о счастливой звезде ее племянницы. Таким образом, подумал он, Фэн Цзю сможет встретить своего суженого и изменить свою любовную судьбу.

Фэн Цзю пробыла на Небесах почти месяц, но ее счастливая звезда оставалась такой же тусклой, как и раньше. С другой стороны, ее навыки няни развивались очень быстро. До возвращения в Цинцю оставалось всего три дня. Решив, что не стоит терять время, она взяла колобка и отправилась прогуляться по 33-му уровню Неба.

Рядом с кустами сумаха [1], прямо за входом собрался кружок азартных небожителей. В течение последних нескольких дней, с тех пор, как маленький колобок устроил представление у дворца Си У, Фэн Цзю старалась не приближаться к толпе, чтобы избежать новых скандалов. Но не в силах сдержатъ любопытство, она подтолкнула А Ли, чтобы он подошёл взглянуть, что там происходит. Сама она спряталась в прохладной тени агарового дерева.

Дерево, под которым она наслаждалась прохладным воздухом, было королевским агаровым деревом, которое росло с незапамятных времен. Крепкое и большое, оно все было усыпано широкими зелеными листьями, а на его ветвях с легкостью мог разместиться человек.

Как назло, это было ежедневное место отдыха Дун Хуа Дицзюня.

И, как назло, Дун Хуа прямо сейчас сидел под навесом, размышляя над буддийскими сутрами.

И словно по закону подлости, легкий ветерок пронесся мимо, принес с собой сильный аромат агарового дерева. Фэн Цзю чихнула. Перевернув страницу, Дун Хуа отодвинул книгу в сторону и опустил глаза, чтобы посмотреть вниз. Его взгляд тут же наткнулся на нее, но Фэн Цзю совершенно не замечала его присутствия и продолжала спокойно сидеть, ожидая возвращения А Ли.

Разобравшись в ситуации, колобок вихрем полетел обратно к ней. Выставив локти из-за своей маленькой пухлой талии, он сделал два глубоких вдоха и быстро сказал: «Они заключили долгосрочное пари о том, женится ли брат Дун Хуа, э-э, дядя, э-э, дедушка... на тебе или на принцессе Чжи Хэ».

Одной рукой Фэн Цзю держалась за ветку агарового дерева, другой вытирала холодный пот со лба. «Ты еще такой юный, что ты знаешь о пари?» - спокойно спросила она.

- Я и правда не знаю, что это такое, - печально ответил сынишка Бай Цянь. - Но мне нравится учиться, поэтому я спросил одного из братцев-небожителей. Он толком ничего мне не объяснил, сказал только, что у принцессы Чжи Хэ уже есть 25 ставок, полностью сокрушая тебя, у кого только 3 ставки, и что, возможно, он выбрал не того человека.

Затем, по-прежнему грустный, он добавил: «Я не очень понял, о чем он говорил, но я не хотел, чтобы ты долго ждала, поэтому потихоньку ускользнул. Когда я уходил, тот небожитель спрашивал другого, может ли он перенести свои три ставки на принцессу Чжи Хэ».

Фэн Цзю долго сидела в молчаливом раздумье и, наконец, достала из рукава золотой мешочек с горстью сверкающих рубинов. Затем она сняла с шеи изящно вырезанный изумрудный кулон, а с пояса - нефритового Феникса. Передав всё в руки маленького колобка, она сказала ему со всей серьезностью: «Иди и сделай 200 ставок». Она помолчала и добавила: «На мое имя».

Мальчонка забрал драгоценности и, изучив их, с подозрением переспросил: «Я еще так молод, а ты уже учишь меня жульничать?»

«Если ты из Цинцю, ты всегда должен быть первым, - ответила она, взглянув на него. - Твоя кузина не может стоять позади кого-то другого. Это называется аурой суверена. Если не веришь, сам подумай над этим».

- Я слышал, дядюшка говорил, что ты никогда не занимала первое место в школе. Ты всегда была позади всех. Иногда ты даже умираешь последней.

На Фэн Цзю напал приступ кашля: «Это называется расстановкой приоритетов. Есть вещи, которые мы должны делать, и есть вещи, которые мы не должны делать. Разве твои занятия не такие же?»

«Не смеши меня. Я никогда не занимал последнее место на экзаменах» - маленький колобок поджал губы.

На Фэн Цзю нахлынули ужасные воспоминания, и она вздрогнула.

- Тебе ведь еще никогда не приходилось изучать буддийские доктрины, поэтому ты не знаешь, насколько это сложно.

- Неужели это так трудно? - А Ли пробрала дрожь. Затем, возможно, не желая смотреть в лицо суровой правде, он добавил. - Но я всегда вижу брата Дун Хуа, э-э, дядю, э-э, дедушку, читающего буддийские сутры, когда он рыбачит. Такое ощущение, что это проще пареной репы.

Фэн Цзю молчала. Наконец, она искренне вымолвила: «Ну и чудак...»

В тот момент, когда прозвучали ее слова, прохладный ветерок принес с собой еще одну сильную волну аромата агарового дерева. Это заставило ее чихнуть. Она закрыла нос и пробежала несколько шагов, затем повернулась и сказала колобку: «Я буду ждать тебя в маленьком цветнике».

В это время господин Ляньсун, который маялся от безделья, принес меч Цанхэ Дун Хуа, и успел услышать, как Фэн Цзю в сердцах бросила этот комментарий. Когда те двое удалились, он обмахнулся веером и спросил Дун Хуа: «Что ты такого натворил, чтобы она сделала тебе комплимент?»

Дун Хуа закрыл свое буддийское писание и сказал с ничего не выражающим лицом: «Комплимент? Вот как Чэн Юй хвалит тебя?»

Почесав нос, Ляньсун ответил: «О, она всегда хвалила меня за то, что я был грубияном».

Фэн Цзю знала, что это будет плохой день, как только она вышла за дверь.

Девять Небес считалась благоприятным местом, но как только она вышла из дворца Цин Юнь, над ее головой закружились две сороки. Они даже оставили после себя две свежие кучки экскрементов. Конечно, эти мелкие неприятности не повлияли на ее интерес к осмотру достопримечательностей, но сразу после этого она должна была наблюдать, как сборище скучающих небожителей использует ее и Чжи Хэ в качестве азартного времяпрепровождения. К тому же она ужасно проигрывала! Однако и это не отбило у нее желания прогуляться по окрестностям. Но в попытке найти спокойное место для отдыха, она каким-то образом попала в агаровый лес. Ее аллергия давала о себе знать - зудящий нос заставлял ее чихать без остановки.

Эта серия знаков доказывала, что сегодня не лучший день для путешествий. Но весенний пейзаж был так красив, что возвращаться обратно было бы пустой тратой времени. Наконец она нашла безопасное и тихое место в маленьком цветнике. Но, все еще желая испытать свою удачу, она ждала, когда вернется колобок с выигрышными ставками. Она думала, что пришло время, когда ее несчастья закончились. Она снова собралась с духом и отправилась на прогулку. В этот момент сквозь растения впереди до ее ушей донеслись тихие голоса.

Ветер доносил до ее ушей едва различимый разговор. О Всемиловитый Будда, кажется, черная полоса в ее жизни будет продолжаться бесконечно.

Несколько дней назад она придумала целый свод правил, которым она должна следовать. С этого момента она должна избегать Дун Хуа любой ценой. До сих пор она была бдительна, но треклятая судьба вновь свела их даже в этом маленьком саду.

«Если Владыка спросит, скажи ему, что ты здесь один иловишь бабочек, хорошо?» - протараторила Фэн Цзю, и тут же превратилась в белоснежный шелковый платок, неподвижно лежавший на мраморном столе.

Из-за деревьев действительно появились два человека, Дун Хуа и Ляньсун.

Фэн Цзю несмотря на ее изменившуюся форму, слышала всё вполне сносно. Она услышала приближающиеся шаги. Мужчины болтали о пустяках.

- Я слышал, ты принял вызов Янь Чиу на дуэль и завтра отправишься на гору Фуюй? Чжунлинь даже принес мне меч Цан Хэ, чтобы отполировать его. Но почему ты совсем не выглядишь как человек, который собрался на войну?

Дун Хуа небрежно ответил: «Потому что мое сердце спокойно».

Ляньсун прекратил дебаты, которые не мог выиграть, и сменил тему: «Скажи, о чем именно ты думал, когда делал меч Цанхэ? Там есть хрустальный куб размером с ладонь, и ты вырезал на нем целых 10 000 граней с 5000 отверстиями одинакового размера. Ты знаешь, сколько усилий я потратил, чтобы отладить его? Это какого-то рода скрытый механизм?»

Дун Хуа погрузился в воспоминания.

- В нем нет никаких скрытых механизмов. Мне просто было скучно.

Ляньсун на секунду замолк. Затем он рассмеялся и сказал Дун Хуа: «Даже с твоим несносным характером, весь мир почему-то все равно хвалит тебя. Все думают, что ты добродетелен и честен. Никому еще не удалось заглянуть под твою маску. Бедный Чжунлинь переживает

тяжелые времена». Он помолчал, а потом продолжил: «При упоминании о нем, я удивляюсь, как он умудрялся мириться с этим до сих пор».

Дун Хуа задумался и протянул: «Когда ты так говоришь...»

- Что?

- Согласен, ему было нелегко.

Фэн Цзю лежала прямо на столе. Услышав их приближающиеся шаги, ее одолели сомнения в правильности своего решения. Почему она превратилась в носовой платок и лежит здесь? Как ей теперь от них спрятаться? Кристально белый носовой платок лежит на белом мраморном столе, есть вероятность, что она привлечёт чье-нибудь внимание.

Колобок в этот момент поклонился старшим и ловко назвал Дицзюня «дедушкой», а Ляньсуна – «третьим дедушкой». Ляньсун давно не видел своего внучатого племянника, поэтому он погладил его по голове и спросил, как он учится. А Ли уверенно отвечал на каждый вопрос. Подняв голову, он увидел, что Дун Хуа взял в руки платок и внимательно изучает его.

Ляньсун тоже повернул голову и спросил: «Это?..»

Дун Хуа невозмутимо ответил: «Я потерял свой носовой платок и искал его последние несколько дней».

Глаза маленького колобка непроизвольно расширились от такой лжи. Он хотел возразить, но закрыл рот, вспомнив слова Фэн Цзю. Когда он увидел, как Дун Хуа сгибает его кузину Фэн Цзю, его маленькое личико исказилось от боли, и он прерывисто сказал: «Фэн... я имею в виду, платок может пострадать...»

Ляньсун с сомнением указал веером на руку Дун Хуа и спросил: «Но разве этот платок не женский?.. Почему ты?..»

Дун Хуа с полнейшей безмятежностью спрятал платок в рукав.

- Я слышал, что я чудак. Что такого странного в том, что чудак пользуется носовым платком леди?

Ткань в рукаве яростно затряслась. Удивленный, Ляньсун подошел посмотреть и тут же вернулся на своё место: «Ничего, ха-ха, ничего странного».

Фэн Цзю чувствовала себя очень расстроенной, будучи засунутой в рукав Дун Хуа.

Если бы она могла повернуть время вспять, она бы хорошенько подумала и превратилась в дерево. Даже если бы Дун Хуа мог видеть сквозь ее магию, он не смог бы вырвать ее с корнем и вернуть домой. Все зашло так далеко. Ей будет трудно сбежать от него, если она не вернется в свой истинный облик, но тогда пострадает репутация Цинцю. К сожалению, он понял, кто она такая, и намеренно все усложнял. Если бы она была обычным человеком, она бы не возражала потерять лицо из-за чего-то подобного. Она все равно привыкла. Но сейчас она была королевой Цинцю. Если такой позор дойдет до ушей ее отца, она получит хорошую взбучку. Она ни при каких обстоятельствах не могла признать, что она Фэн Цзю из Цинцю. Этот платок ничего не стоил. Он может просто потерять интерес и выбросить ее.

Она начала расслабляться.

Моргнув, она увидела, что прибыла во дворец Дун Хуа. Вероятно, сейчас они проходили через задний двор, стены которого была покрыты растянувшимися усиками и ветвями дерева Бодхи. Блестящие темно-зеленые листья свисали, как ширма, в то время как гибкие нефритовые лозы слегка покачивались на ветру. В это время в дверном проеме появилась фигура, одетая в белое. Ба, да это же Чжэ Янь, верховное божество из Десяти Миль Персиковых Цветков, который никогда не проявлял особого интереса к мирским делам. На спине у него сидел маленький колобок.

Фэн Цзю не могла не восхититься смекалкой малыша А Ли. Как предусмотрительно было с его стороны позвать на помощь Чжэ Яня, а не свою мать. Фэн Цзю собиралась отказаться от их семейных уз, но теперь была тронута его заботой.

Чжэ Янь обменялся любезностями с Дун Хуа, похвалил его сад, выказал восхищение работой курильницы Дун Хуа, но тут маленький колобок не выдержал и принялся яростно тормозить его. Чжэ Янь наконец перешел к теме спасения Фэн Цзю и промолвил: «По правде говоря, я пришел побеспокоить вас сегодня из-за пустяка».

Он снял колобка со своих плеч и продолжил, как ни в чем не бывало: «Пока я спал, эта маленькая обезьянка взяла платок, который я специально принес его матери. Потом он вернулся, как в воду опущенный, сказав, что вы его подобрали».

Он сделал паузу и притворно вздохнул: «Если бы это был обычный носовой платок, ничего страшного. Однако, его специально вышила бабушка малыша для его матери. Мне было поручено принести его сюда во время моего путешествия на Небеса. Как видите, этот платок имеет сентиментальную ценность для семьи Бай, поэтому мне пришлось проделать такой путь».

Сначала Фэн Цзю переживала, что Чжэ Янь для Дун Хуа не противник. Если бы он открыл рот и спросил: «Вы видели вышитый платок?», Дун Хуа определенно стал бы отнекиваться. Но слова Чжэ Яня лишили его этой лазейки. В этот момент Чжэ Янь заслуженно пользовался уважением Фэн Цзю.

Она счастливо лежала в рукаве Дун Хуа и ждала, когда он передаст ее Чжэ Яню. Его длинные тонкие пальцы действительно проникли в рукав, но она недооценила уровень бесстыдства Дун Хуа. Его рука скользнула мимо, и он достал из кармана точно такой же, аккуратно сложенный платок. Он передал его Чжэ Яню.

«Я подобрал его только что на 33-м небе. Это твой?» – спросил Дун Хуа, насыпая в горелку еще одну горсть благовоний. Потом он добавил: «Если нет, наведайтесь во дворец Юань Ци господина Ляньсуна. Возможно, его подобрал он».

Чжэ Янь посмотрел на платок, который явно был не тот. Он не мог сказать «да», но и не мог сказать «нет». Он не мог поверить, что проиграл эту битву, хотя и прожил тысячелетия верховным божеством. В это время колобок чихнул. Чжэ Янь тут же схватил платок с большой сентиментальной ценностью и вытер сопلي малыша. «Это всего лишь носовой платок. С чего бы мне переживать, что ты соврешь и присвоишь его себе, - он неохотно улыбнулся. - Ты никогда не сделаешь ничего столь презренного. Конечно, думаю, это он».

Он сказал еще несколько слов и забрал А Ли.

Фэн Цзю разочарованно уставилась на их исчезающие силуэты. Поскольку ее глаза и уши были сопоставимы с Цзяньли Янем и Шуньфэн Эром [2], она все еще могла слышать, как колобок сердито говорит: «Я не могу поверить, что ты потерпел неудачу. Ты приложил недостаточно

усилий, чтобы спасти кузину Фэн Цзю. Знать тебя больше не желаю».

Чжэ Янь шутливо ответил: «Зачем мне с ним враждовать? Ведь он не похитил твоего маленького дядю, верно? Кроме того, я проверял судьбу Фэн Цзю только в прошлом году. Кажется, удача будет на ее стороне. Она всегда умирает и оживает сама. Возможно, это один из таких случаев». Затем он пробормотал: «Но я не предсказывал судьбы людей довольно долгое время. Я не уверен, насколько это точно». Помолчав некоторое время, он сменил тему: «Кстати, малыш А Ли, я смотрел и твою судьбу тоже. Недавно ты попал в любовную ловушку?»

Крошка задумался и спросил: «А что такое любовная ловушка?»

Фэн Цзю мысленно кусала ногти и думала, что лучше верить в себя, чем в предсказание Чжэ Яня. Независимо от того, Бог ты или обычный смертный, в трудные времена можно полагаться только на себя.

Во дворе, окутанном ароматом белого сандалового дерева, Дун Хуа наклонился и стряхнул похожий на снег пепел, чтобы потушить угли. Повторив весь процесс несколько раз, он накрыл горелку и вдруг сказал: «Как долго ты собираешься притворяться?»

Фэн Цзю вздрогнула. Значит, он уже знал. К счастью, она только что придумала хороший план сражения, частью которого было молчание. Поэтому она молчала и не обращала на него внимания.

Дун Хуа небрежно положил ладан на стол. Он вытащил платок, и положил его на стол так, что солнечные лучи падали прямо на него. Спустя долгое время, он не спеша молвил: «Так превращаться в платок - это твоё хобби?» Какой нелепый вывод, но она все равно отказывалась отвечать.

Дун Хуа редко улыбался, но сейчас в его глазах мелькнула усмешка. Увидев это, Фэн Цзю вдруг занервничала. И тут же до нее донеслось его бормотание: «Мне как раз нужна была тряпка, чтобы вытирать меч. Спасибо за услугу».

Вытирать меч? Вытирать одно из десяти лучших орудий в мире, то самое, что режет сталь, как нож - масло, знаменитый меч Цанхэ? Фэн Цзю внезапно почувствовала слабость. Она была так напугана, что потеряла единственный шанс ответить ему. Не теряя ни секунды, Дун Хуа снова положил ее обратно в рукав.

Сначала Фэн Цзю подумала, что ему станет скучно, и он отпустит ее. Ожидание было самым гибким решением, которое позволило бы ей сохранить достоинство. Она не ожидала, что Дун Хуа превратит ее в тряпку для вытирания меча... а он был из тех, кто не бросает слов на ветер. Последние годы выдались мирными, войн почти не было, поэтому его намерение не сильно ее напугало. Но прежде чем заснуть, она внезапно вспомнила, что он принял вызов на дуэль от повелителя демонов Янь Чиу. Завтра меч Цанхэ снова окрасится кровью. Она вздрогнула и взлетела над кроватью из розового дерева. Поразмыслив с полминуты, она решила, что сегодня ночью должна бежать.

Чтобы не разбудить Дун Хуа, Фэн Цзю позаботилась о том, чтобы не превратиться обратно в человека. Но в ее теперешнем состоянии было почти невозможно приподнять длинные занавески. Наклонившись, она увидела Дун Хуа с серебряными волосами, струящимися по нефритовой подушке, и тонким одеялом, брошенным на талию. Годы совершенно не повлияли на него - его лицо по-прежнему было ослепительно красивым. И самое важное - он казалось, крепко спал. Она очистила свой разум от пяти чувств, но использовать заклинание, которое помогло бы ей убежать, в форме носового платка она не могла. Хотя верно говорят,

безвыходных положений не бывает. Например, она всегда могла вернуться в свою первоначальную форму и в то же время наложить сонное заклинание на Дун Хуа. Но сделать это без его ведома было не так-то просто, и что ей делать, если она потерпит неудачу?

Раздумывала она недолго. Во тьме безмолвной ночи ее смелость внезапно удвоилась. Конечно, было бы неплохо сохранить ее репутацию, но чему быть – тому не миновать. Даже если о ней поползут слухи, худшее, что может случиться, – это если отец хорошенько ее выпорет. Она слукавит, если скажет, что ее никогда не наказывали. Кто знает, может вспомнить времена ее детства будет не так уж плохо. Она развернулась и в мгновение ока превратилась обратно в девушку в траурных одеждах. Кончик ее пальца мягко коснулся лба Дун Хуа. Он даже не пошевелился. Она с благоговением посмотрела на свою руку. Неужели ей это удалось? В этих смертных словах действительно был смысл: «Лучше быть смелым и умереть от обжорства, чем быть трусом и умереть с голоду».

В мае воздух был еще прохладным, да и в покоях дворца Тайчэнь никогда не бывало жарко. Фэн Цзю приподняла занавеску, повернулась, чтобы в последний раз взглянуть на спящего Дун Хуа, и, не удержавшись, спрятала его руки под одеяло. Затем, немного подумав, она натянула покрывало с его талии до шеи и тщательно подоткнула его. К тому времени, как она встала, ее длинные черные волосы почему-то запутались в его серебристых прядях. Как она ни старалась, они не желали расставаться. Она не знала, как долго будет действовать ее заклинание, поэтому она наколдовала ножницы и решительно отрезала свои локоны. Затем она быстро вскочила, даже не потрудившись убрать их. Но из-за того, что она так долго была носовым платком, ее тело не сразу приспособилось к обстановке. Она потеряла равновесие и упала прямо на стоящую рядом ширму. Раздался оглушительный грохот, но Дун Хуа все еще спал как убитый.

Дойдя до дверей, она вдруг отступила на два шага, что-то вспомнив. Повернувшись лицом к занавескам, она одно за другим произнесла несколько заклинаний сна. Только удостоверившись, что ее магия действует и пурпурный туман растекся по королевским синим драпировкам, а растение Цзисян в ногах кровати устало свесило листья, она решила уйти. Благополучно закрыв двери, Фэн Цзю прошла по коридорам и свернула в маленький сад, где Дун Хуа проводил большую часть своего ежедневного времени.

В саду Фэн Цзю слегка встряхнула свой рукав, и на свет появилась ночная жемчужина величиной с апельсин. С ее рассеянным светом она немедленно начала поиски куста морозной травы.

Благодаря всем недоразумениям, которые привели ее сегодня во дворец Тайчэнь, она чуть не забыла о своей драгоценной морозной траве. Из ее корней варили успокаивающее зелье; его лепестки были приправой первого сорта. Сымин привез ее как-то раз, когда отправился на Дальний Запад встречать Будду. Он даже сказал, что это семя из Линшана был последним в мире. Жаль, что в то время она уже заключила сделку с кланом Демонов. Будучи любимой лисичкой Дун Хуа, ей негде было спрятать семя. Все, что она могла сделать, это посадить его в его саду. Но прежде чем зацвела морозная трава, она разорвала свои связи с Дун Хуа и покинула Девять Небес. Жаль, что в расстроенных чувствах она забыла взять ее с собой. Чувствуя сожаление, она поспешила сюда, чтобы забрать его.

После длительных поисков она, наконец, обнаружила волшебную траву на маленькой клумбе, выглядевшей довольно непримечательно рядом с ветвью двойного лотоса [3]. Она выкопала растение, стараясь не повредить корни, затем осторожно завернула свое сокровище в рукав. Потом она внимательно осмотрела сад. В те дни, когда она была еще служанкой, принцесса Чжи Хэ запретила ей выходить за периметр. Тогда у нее не было возможности войти в этот

королевский сад, где часто бывал Дун Хуа. Впоследствии, когда она стала лисенком, она могла следовать за Дун Хуа каждый день и прыгать так далеко, насколько позволяли ее маленькие лапки. Увы, мир, представший перед глазами лисы, отличался от мира, видимого глазами человека. Мир в те дни также отличался от нынешнего.

Фэн Цзю прищурилась и окинула взглядом маленький сад. Несмотря на небольшие размеры, этот сад был уникален. На противоположной стороне высился огромный водопад, а по каменным стенам карабкались лозы дерева Бодхи. Днем они ничем не отличались от других цветов, но ночью излучали слабое свечение. Лепестки в форме маленького фонаря выглядели исключительно красиво. Неудивительно, что у этого растения было и другое, более изящное название - ночной свет луны. В центре сада рос высокий клен, пробивавшийся сквозь облака. Рядом с зоной отдыха был небольшой пруд с лотосами. Над ним висела шестиугольная беседка из белых сандаловых ветвей. Она вздохнула. Прошло много лет, но это место совсем не изменилось. И, к сожалению, поток нахлынувших воспоминаний не заставил себя долго ждать.

Фэн Цзю никогда не отличалась сентиментальностью. Поначалу она пила, тоскуя по Дун Хуа, но после того, как порвала с ним отношения, больше этого не делала. Ее воспоминания о Дун Хуа также значительно померкли. И все же, возможно, из-за того, что сейчас она находилась в месте, где всё напоминало о былых временах, а небо над головой было усеяно одинокими пятнышками-звёздами, пейзаж неизбежно вызывал ностальгию по прошлому. Погруженная в свои мысли, Фэн Цзю смотрела на белое сандаловое дерево и хрустальный стол, накрытый внутри павильона. Она с удивлением обнаружила, что, хотя она изо всех сил пыталась запомнить буддийские писания, ей с трудом это удавалось, а вот память о давно ушедшем прошлом была удивительно ясной. Воспоминания были настолько яркими, что казалось, будто они проходят прямо перед ее глазами.

В те дни, когда Фэн Цзю следовала за Дун Хуа после того, как они покинули Сферу Нечистого Лотоса, в этом саду еще не было шестиугольного павильона.

Стояла середина лета, и в ее лисьей шубке ей было ужасно жарко. Она сидела в маленькой лодке на пруду с лотосами и прикрепляла два листа лотоса на голову, чтобы сохранить прохладу. Видя ее жалкое состояние, несколько дней спустя Дун Хуа срубил два белых сандаловых дерева, чтобы построить павильон на воде. На полу он установил прохладную стеклянную панель, чтобы она не замерзла. Было удивительно удобно лежать там на спине, и она дивилась тому, насколько золотые у Дун Хуа руки. Позже она узнала, что Дун Хуа был еще более умелым. Ладан, который использовался во дворце Тайчэнь, был сделан его собственными руками; чай, который они пили, также был выращен вручную; даже чашки и изделия были ручной работы; и настенные полотна во дворце также были расписаны вручную. Она спокойно взвесила все в уме. С одной стороны, она гордилась своей проницательностью. С другой стороны, если она выйдет за него замуж, они сэкономят кучу денег. Чем больше она об этом думала, тем счастливее становилась, и тем больше ей нравился Дун Хуа.

Обожание ослепило ее, и она решила, что Дун Хуа само совершенство. Всякий раз, когда он делал что-то новое, она первой выказывала свое одобрение и восхищение. В конце концов, в привычку Дун Хуа вошло сначала приносить все маленькой лисичке, чтобы узнать ее мнение. Поскольку времени у него было в избытке, все, что он делал, было на удивление безупречным. Иногда Фэн Цзю думала, что так было всегда на протяжении многих лет, и Дун Хуа, возможно, был очень одинок.

Это был исключительно обычный день. Она лежала в павильоне животом вверх, размышляя, что она может сделать, чтобы завоевать Дун Хуа. Чем больше она смотрела на звезды, тем голоднее становилась. Чем голоднее она становилась, тем печальнее ей было. Звезды над ее

головой внезапно исчезли. Это Дун Хуа с белой фарфоровой тарелкой в руках сел перед ней. В тарелке поблескивал соус из кисло-сладкой рыбы, а его аромат витал в воздухе.

Дун Хуа поставил тарелку и бросил на нее взгляд; по какой-то причине в его голосе прозвучала нерешительность.

- Я только что приготовил его, горячий, только что с плиты.

Раньше ее беспокоило, что она и Дун Хуа несовместимы, потому что она не знала ничего из того, что знал он. Но, как ни странно, он был таким же гурманом, как и она сама. Наконец она нашла сходство между двумя мастерами. Она была так тронута, что прыгнула к нему на колени. Затем она прыгнула к хрустальному столу и сначала окунула лапу в соус. Но, вспомнив, что она больше не человек, она убрала лапу и застенчиво лизнула рыбу языком.

Она замерла, как только попробовала соус.

Дун Хуа подпер щеку рукой и внимательно посмотрел на нее.

- Ну как?

Она убрала язык. Она хотела сказать, что это действительно совсем-совсем ужасно. Но вдруг она вспомнила историю, которую ей рассказывала тетя. История была о молодой невесте, которая не умела готовить. Однажды ей взбрело в голову блажь самой приготовить ужин. Ее жених съел все, что было на столе, и сказал ей, что всё было очень вкусно. Когда жена убирала со стола, она попробовала остатки блюда и поняла, что муж солгал, чтобы сделать ее счастливой. С тех пор они жили вместе душа в душу, оставив после себя прекрасную историю для будущих поколений.

Фэн Цзю закрыла глаза и стиснула зубы. Она вылизала тарелку за время, пока не сгорела даже половинка палочки ладана. С несчастным видом, держась за животик, она повернулась, чтобы одарить Дун Хуа приятной улыбкой, показывая ему, что это было восхитительно, но в то же время надеясь, что он сможет разглядеть нежелание в ее улыбке и попробует соус сам.

Конечно же, Дун Хуа тут же поманил ее пальцем. Она осторожно подвинула к нему тарелку. Дун Хуа долго смотрел на нее, а потом постучал пальцем по ее запачканному соусом носу и спросил: «Ты... все еще хочешь еще? Сегодня ничего не осталось. Я приготовлю тебе завтра».

Она оцепенело посмотрела на него, моргнула и вдруг дернула его за палец, чтобы окунуть в соус. Он, наконец, понял, что она имела в виду. «Все в порядке. Я уже пробовал, - он нахмурился, - и это было ужасно». Глядя на нее, он продолжил: «Но поскольку мы принадлежим к разным видам, я подумал, что у нас будут разные вкусы, и предложил тебе попробовать». Затем он заключил: «Я был прав. У лис совершенно другие вкусы».

Фэн Цзю была ошеломлена. Она вскрикнула и упала на хрустальный стол. Дун Хуа обеспокоенно спросил: «Ты так сильно хочешь добавки?» Потом он ушел, и прежде чем она успела опомниться, перед ее лицом появилась еще одна тарелка. Эта тарелка была в два раза больше предыдущей, и помимо соуса на ней аккуратно лежали рядом две пухлые рыбки. Фэн Цзю широко раскрыла глаза, посмотрела на тарелку, вскрикнула, подползла, снова вскрикнула и снова перевернулась.

С тех пор каждое утро Дун Хуа заботливо приносил ей один и тот же завтрак - карпа в соусе, и отвратительный вкус всегда сохранялся, как бы ни был жесток контроль качества. Фэн Цзю пришла в голову мысль, что Дун Хуа - божество с непредсказуемыми эмоциями. Если она не

съест рыбу, он может запомнить этот провал на всю жизнь и со временем впасть в меланхолию. Но продолжать потреблять это произведение кулинарного искусства не было хорошим решением. На этот раз Дун Хуа действительно неправильно понял ее.

Потом настал день, когда бабушка Тайшань нанесла визит во дворец Тайчэнь. Так совпало, что у нее тоже была любимица - снежная лиса. Фэн Цзю слукавила и уступила снежной лисе половину ее порции рыбы прямо на глазах Дун Хуа. Маленькая снежная лисица осторожно попробовала соус на вкус и вдруг вытянула шею в немом крике. Ее лапы отчаянно царапали горло. Наконец, она случайно проглотила кусочек рыбы, и ей пришлось напрячься, чтобы вырыгать все обратно.

Фэн Цзю с сочувствием наблюдала, как снежная лисица носится по двору в поисках воды, чтобы запить эту гадость. Она бросила взгляд в сторону Дун Хуа, как бы говоря: «У нас, лис, вполне нормальный вкус. Я съедала это каждый день только для тебя». Уж теперь-то, думала она, ее намёк будет понят. Дун Хуа в тот момент как раз разливал чай, и застыл с чайником, задумчиво глядя на нее.

- Ха, значит, твой вкус уникален даже среди лис.

Фэн Цзю подняла лапы к груди, отступила на два шага и в отчаянии упала на землю.

Прошло еще несколько дней. От кулинарного таланта Дун Хуа рыжий мех Фэн Цзю начал выпадать клочьями. Ждать, пока он сам все поймет, было бы непрактично. Ей нужно было найти способ спасти себя. После долгих раздумий она решила, что единственным решением будет прямо сказать ему. Она была уверена, что сможет передать свои чувства через язык тела. Сегодня она соберется с духом и откажется от толстого карпа Дун Хуа. Когда она проходила мимо его кабинета, она услышала, как лорд Ляньсун разговаривает с Дун Хуа. В разговоре всплыло и ее имя. Она не хотела подслушивать, но у лисы есть свои ограничения... например, она не может закрыть уши. Прежде чем она успела поднять лапы к голове, в ее ушах всплыло несколько слов.

Говорившим был Ляньсун: «Я не знал, что ты любишь держать домашних животных. Я заметил, что у тебя теперь живет лисичка?»

Затем раздался голос Дун Хуа: «Она особенная. Можно сказать, мы связаны судьбой».

Теперь это снова был голос Ляньсуна: «Ты шутишь? Я видел лис и покрасивее. Только посмотри на семью Бай из Цинцю, по внешнему виду им вряд ли найти равных. Что такого особенного в твоей маленькой рыжей лисе?»

- Ей очень нравится моя рыба в кисло-сладком соусе.

«Она действительно особенная» - пробормотал Ляньсун.

На этом разговор закончился. За дверью Фэн Цзю печально посмотрела на клочья шерсти на ее лапах. Это было горько-сладкое чувство. Даже при том, что все было не так, как она думала, и Дун Хуа совершенно не знал о ее чувствах, казалось, он нашел ее милой, потому что она похвалила его за приготовление пищи. Тогда, если она войдет прямо сейчас, чтобы сказать ему, что все это ложь... она содрогнулась от этой мысли. Как бы то ни было, это была прекрасная ложь, и пусть такой же и остаётся. А то, что она теряет шерсть... Что ж, это можно рассматривать как ранний сезон линьки.

Кто бы мог подумать, что с таким настойчивым желанием остаться, она, удрученная, все же

покинула Девять Небес той ночью.

Холодный порыв ветра слегка отрезвил Фэн Цзю. Небожитель возрастом в тридцать тысяч лет в Цинцю считался младенцем. Но за это время Фэн Цзю получила немало жизненных уроков. Например, нужно помнить только счастливые моменты, а о невзгодах стараться забыть. Честно говоря, во дворце Тайчэнь было больше несчастливых времен, чем счастливых. Пребывание здесь заставило ее вспомнить о том, что она хранила глубоко в сердце.

Кажется, ей и вправду удалось отпустить грустные воспоминания, так что сейчас ей необходимо было взбодриться.

Она сделала несколько прыжков в павильон, желая опробовать хрустальный стул, на котором всегда хотела посидеть. Но когда она села на него, он оказался не таким удобным, как она думала. Дун Хуа часто сидел здесь, редактируя буддийские сутры, присланные ему с Дальнего Запада. В такие минуты она укладывалась у его ног и смотрела на звезды.

Звезды на небе не были такими эфемерными и заставляющими мечтать, как дома. Вместо этого они висели далеко в конце неба, как непроданные конфеты в конце дня. На самом деле смотреть было не на что. Она лишь искала повод остаться рядом с Дун Хуа еще немного. Она хорошо знала, как её дяди уговаривали тетюшек выйти замуж. Если бы выдалась возможность, она пошла бы по их стопам и уговорила Дун Хуа поехать в Цинцю. Она бы сказала ему: «Посмотри на эти холодные звезды, они совсем не привлекательны. Когда-нибудь я возьму тебя посмотреть на звезды в Цинцю». Сто лет пролетели как один миг, и те умные слова, которые она хотела сказать, так и не были произнесены.

Наступила полночь. Мириады звезд сходились на Млечном Пути, и всё вокруг было залито серебристым светом луны. Опершись щекою о ладонь, она любовалась ярким ночным небосводом. Едва слышно, как бы про себя, она прошептала: «Однажды я возьму тебя посмотреть на звезды в Цинцю», и тут же очнулась от своих мыслей. Сначала она испугалась, потом покачала головой и улыбнулась – ее слова рассеялись ночным ветром у пруда с лазурными лилиями. В мгновение ока они исчезли... как будто она сидела там и вовсе ничего не говорила.

Ветви Янфу отбрасывали тени на сводчатый дверной проем, а на земле были разбросаны фиолетовые лепестки. Дун Хуа лениво прислонился к двери, на нем был спальный халат из тонкого белого шелка, а поверх он накинул длинную мантию. Он последовал за ней в сад, чтобы посмотреть, как она собирается выбраться отсюда. Сначала он подумал, что она заблудилась, потому что торопилась, но оказалось, что эта плутовка на самом деле собралась выкопать одно из его растений. Она даже наслаждалась здешним пейзажем; выражение ее лица на мгновение стало счастливым, затем печальным, как будто что-то давило на нее.

Дун Хуа поднял глаза и увидел, что пурпурные чары сна просачиваются из его спальни. Покрыв к этому времени более половины дворца Тайчэнь, они напоминали длинную полосу облаков. Он предположил, что девчонка потратила всю свою энергию, чтобы наложить на него эти сонные чары. Казалось, что даже небесные звуки начали затихать в фиолетовом дыму. Но человек, вызвавший заклинание, пребывал в полном неведении. Казалось, она была все еще погружена в свои мысли. Пурпурный туман постепенно распространился по саду. Он растекся по водопаду, поднялся над высокими деревьями и, наконец, вплыл в павильон сандалового дерева. Дун Хуа молча досчитал до трех и в лунном свете повернулся к погруженной в волшебную мглу юной леди. Что и требовалось доказать...

Раздвинув ветви Янфу, Дун Хуа вышел из-за арочного дверного проема. Во дворе было тихо. Даже обычно тусклое свечение лиан дерева Бодхи казалось гораздо более приглушенным.

Внутри павильона аромат древнего белого сандалового дерева, казалось, не мог рассеяться. Он наклонился, чтобы посмотреть, как она дремлет на белом хрустальном столе, и не смог удержаться от смеха. Как она могла ничего не заметить и попасть под действие собственной магии? Наверное, она была единственной во всем мире. Кто мог обвинить ее отца Бай И в том, что он сделал все возможное, чтобы найти ей способного жениха?

Он легко потянулся к ней и сотворил заклинание. В саду, окутанном сонным туманом, он снова превратил ее в платок и неторопливо прижал к груди.

---

[1] Сумах оленерогий, или пушистый (лат. *Rhus typhina*). Более известен как укусное дерево. Довольно крупное растение, большинство экземпляров до 10–12 м в высоту. Молодые побеги слегка опушенные, толстые, покрыты бурой корой. На вид они напоминают панты оленей. Кроны этого сумаха широкие, ажурные и густые. Ярко-зеленые листья состоят из 11–31 узких вытянутых долей с зубчатыми краями. Осенью они становятся пунцовыми или темно-бордовыми.

[2] Цзяньли Янь, бессмертный, прозванный «глаз в тысячу ли», мог разглядеть комара на расстоянии в тысячу ли.

Шуньфэн Эр – бессмертный, которого называли «ветер, благоприятствующий уху», обладал удивительным слухом и мог слышать шепот на расстоянии трех дней пути.

[3] Лотос называют двойным, когда два цветка растут из одного стебля. Выражение «два цветка лотоса на одном стебле» образно используется в значении «супружеская чета, супруги»